

Олег РЯБОВ
г. Нижний Новгород

ДОВАД РЫБЫ БРЕДНЕМ

рассказ

Александр Платонович Лопата был Асто процентным новым русским, а это значит, что за ним тянулся хвост таких секретов, о которых лучше не знать и тем более не распространяться. Всё у него в жизни было как у многих новых русских: учёбу в институте он бросил с началом перестройки и пустился во все тяжкие. Был он и кооператором, побывал и рэкетиrom, был и депутатом, был и банкиром, и вот за двадцать лет свободного полёта поднялся он прилично. А я, его друг со школьной скамьи, встречаясь с ним раз в полгода, от случая к случаю, и не представлял, какое место занимает Сашка Лопата в современном мире.

А тут, разузнав, что мы с ним знакомы, ко мне обратилась соседка по дому: не смогу ли я попросить Александра Платоновича Лопату, чтобы он продал ей маленький домик с участком в тридцать соток, который ей приглянулся в деревне Старая Пустынь. В сельсовете она выяснила, что участок принадлежит Лопате, но сам он там не бывал ни разу со времени покупки семь лет назад.

Я пообещал и позвонил Лопате в тот же вечер, благо телефон домашний откуда-то у меня был. Александр Платонович, как я понял, с большим удивлением выслушал мою просьбу.

— Старик, я, честно говоря, и не знаю, есть ли у меня в Старой Пустыне участок. А если и есть, то заниматься выяснением, откуда он у меня и зачем он мне, я пока не могу — других дел полно. Но выясню — скажу! А ты вот что: ты помнишь, что у меня в конце июля юбилей — пятьдесят лет? Первого августа я жду вас с твоей красавицей женой

у себя дома, на Сахарном Долу. Ничего не боясь: телевидения не будет, журналистов не будет — всё по-семейному.

Я, конечно, забыл о юбилее своего друга детства, но, когда за неделю до указанной даты мне с нарочным под роспись было привезено именное приглашение, я понял, что и у меня началась взрослая жизнь. Удивительно, но моя жена об этом юбилее знала, готовилась к нему и была уверена, что мы пойдём. Новое платье, новая сумочка и новые туфли были уже куплены и только что и ждали праздника. А вот насчёт подарка она отказалась фантазировать, сказала: «Это твой друг — вот сам и думай, а если не придумаешь, я ему мужской одеколон подарю, и тебе будет стыдно».

И я придумал. Я вспомнил, как десятилетними пацанами на песках, напротив затона Калинина, мы с Сашкой и вместе с нашими родителями, которые дружили, ловили рыбу бреднем, варили уху на костре. Через своих друзей в охотничьей инспекции и рыбнадзоре я узнал, кто у нас в городе промышляет сетями, и вопрос был решен. Через три дня у меня дома в коридоре стоял свёрнутый и упакованный в подарочный двухметровый короб настоящий профессиональный тридцатиметровый бредень с полированными дубовыми вальками. В общем, всё по высшему разряду.

На виллу, а иначе заведение, где проживал Александр Платонович со своим семейством, не назовёшь, мы с супругой приехали раньше времени. Огороженный охраняемый гектар с участком леса и выходом к озерам Марьиной рощи — это круто. Короб с бреднем оказался больше всей моей машины — пришлось везти на багажнике. А на воротах виллы юбиляра пришлось искать начальника охраны, чтобы тот распорядился помочь дотащить подарок до виновника торжества.

— А что там, в коробке? — заботливо поинтересовался начальник охраны то ли участка, то ли лопатинской фирмы, то ли его самого.

— Бредень, — ответил я.

— Какой бредень? — спросил начальник охраны.

— Нормальный бредень, тридцатиметровый, с ячейкой — сорок и с дубовыми вальками.

— Стоп! — воскликнул Лопата, который уже

объявился и любезно целовал ручку моей супруге. — Больше про бредень ни слова.

— Почему ни слова?

— А потому, что через полчаса сюда приедут сто человек, а через два часа десять из них, пьяных в жопу, пойдут бродить с бреднем в наших озёрах. А это мероприятие интимное, на двоих.

— Саша, на каких — на двоих? Такую волокушу вшестером не протащишь, а ты — на двоих!

— Я этот вопрос обсосу и уже завтра тебе доложу.

Тридцать официантов бегали сломя голову, обслуживая гостей. Они использовали и огромную кухню Александра Платоновича, и дополнительное оборудование, привезённое с собой из подшефного ресторана. На двух этажах особняка из трёх возможных на диванах и в креслах отдыхала спокойная часть гостей, слушая приглушённую американскую музыку сороковых, а на лужайке перед домом играл джаз Алик Залкинд со своим ВИА «Третья смена» — так они назывались когда-то в нашей молодости, когда играли на танцплощадке в садике Первого мая. Седые и морщинистые мужики выглядели очень стильно и наяривали азартно. Где нашел их Лопата — не знаю!

У моей супруги знакомых в этой разношёрстной компании оказалось куда больше, чем у меня, но и я, к радости своей, встретил двух своих старых товарищей, с которыми готов был провести некоторое время: весёлыми и незамысловатыми были истории, которыми мы обменивались. Толпа была схожа с эмульсией, эдакой смесью несмешиваемых жидкостей, которая кажется однородной. Тут были и глава администрации города, и два заместителя губернатора, а рядом с ними — молодые директора заводов и братки, которые громко, но недолго гоготали, а потом вместе с подругами всё же отправились купаться.

Заметил я и уважаемых людей, которые не захотели проходить к гостям, они приезжали с охраной на военных клёпаных «гелендвагенах», церемонно обнимали юбиляра и вручали ему конверт или клали показательно в нагрудный карман царский золотой червонец. Я предполагал, кто это, но не был уверен: я ещё не совсем к тому времени понял, кем же стал Сашка Лопата.

Он подошёл ко мне, когда кое-кто уже начал разъезжаться:

— Пойдём ко мне в кабинет, я всё придумал.

— Чего придумал?

— Мы послезавтра с тобой вдвоём едем ловить рыбу бреднем.

— Как — вдвоём?

— Пойдём в кабинет.

В кабинете на третьем этаже, куда гости всё же не добрались, было сумеречно и тихо, работал кондиционер. Александр уселся на письменный стол.

— Теперь слушай внимательно. У меня тут в области, прямо на берегу приличной красивой речки, есть охотничий домик, за ним присматривает местный егерь. Глава администрации района мой хороший друг. Пять лет назад сгорел у них там храм деревянный: в феврале затопили печку на ночь, чтобы с утра потеплее служить было, и ушли спать. Утром — одни головёшки да купол с крестом в стороне под ёлками валяется. Попросили меня местные старухи помочь, только, говорят, поставь церкву-то не в том селе, где была, а в соседней деревне: там, мол, народу-то живёт куда больше. Я — к владыке нашему областному, а тот ни в какую: где стояла — там и должна стоять. Ну, тогда поехал я с игуменом одного нашего монастыря, который восстанавливался, в Каменск-Уральский на колокольный завод Пяткова Коли, знакомились мы с ним когда-то по случаю в Москве — приятный мужик. Купил я у него на два миллиона колоколов — полный комплект для монастыря: от десяти кило до полутора тонн. Владыка сразу после этого разрешил мне ставить храм где угодно: хоть в лесу, хоть на острове. Я, когда в деревню к ним туда приезжаю, местные бабы на меня почти как на святого молятся. Сейчас я позвоню, и мы решим всё с нашим бреднем.

— Везде у тебя, Саша, друзья.

— Есть такая кавказская мудрость: женщину красит красота, а мужчину — друзья.

Александр Платонович стал набирать на мобильнике какой-то номер, а я понял, что называть после сегодняшнего вечера своего школьного друга Сашкой Лопатой я уже не смогу.

— Тихо! — скомандовал он и поднял указательный палец, глядя на меня. — Здорово, Коля. Это Сашка, Сашка Лопата. Да, да, Александр Плато-

нович. Вот у меня сегодня юбилей, пятьдесят лет, и хочу я от тебя подарок получить. Какой, какой — рыбалку! Не-ет, подарили мне сегодня бредень, не волокушу, но тридцать метров. Мы к тебе послезавтра приедем — приготовься. Как, как — пятерых мужиков одень в белые подштанники и белые рубахи, резиновые галоши купи им или лапти. Трёх девок найди: за самоваром следить да колбасу резать. Водку, огурцы и пряники мы с собой привезём, столы и скамейки готовы. Ловить будем и на лугах в озёрах, и на песках в речке. «Друг зверя» на ходу? Жди!

Лопата положил мобильник на стол.

— Ну что — всё понял? Не возражаешь?

— Всё понял, идея мне нравится, — ответил я.

Лопата приехал за мной через день на своей «Тойоте-сотке» с самого ранья и без предупреждения. Он просигналил под моим открытым окном на втором этаже, и я выглянул, продирая глаза.

— Мы едем? — спросил он.

— Я уже готов, — ответил я и бросился бриться и надевать штаны. Мгновенье я раздумывал, не успею ли попить кофе, но, плюнув на него, покатился вниз по лестнице, понимая, что баланс взаимоотношений с Лопатой уже безвозвратно поломан.

Машину он вёл валяжно, не задирая спидометр выше ста двадцати, хотя пустынная трасса позволяла идти и сто пятьдесят без напряжения.

— А я подумал, что мы на твоём «хаммере» поедем, — сказал я.

— Да ты что! «Хаммер» — это моим дочерям на базар ездить. Его же мне подарили друзья из Штатов — не понимаю зачем. Там ключ зажигания повернул — ведро солярки сгорело. У него крейсерская скорость — восемьдесят, а под горку — может, сотню разгонится. Что интересно: в родной штатовской инструкции по «хаммеру» написано, что расход топлива учёту не поддаётся. А вот девчонкам на базар ездить он в самый раз: и торопиться никуда не надо, и не страшно, что какой-нибудь дурак подрежет или стукнет. От «хаммера» в городе все шарахаются.

Через три часа мы были на месте.

Последние пять километров ехали не просто по грунтовке, а по такой глухой лесной дороге с ямами, лужами, буераками и поваленными деревьями, что, казалось, Лопата меня испы-

тывает. Но он, подпрыгивая на ухабах и стучась о крышу головой, объяснил мне, что по трассе асфальт от дома до дома, но так короче на двадцать километров, «авось прорвёмся — не у всех получается». Поэтому, когда мы выехали на полянку, зелёную и ровную, как английское футбольное поле, я был эффектно впечатлён открывшейся картиной.

Нас встречал сухопарый и крупный деревенского покроя мужчина лет сорока. Пожав руку Александру и почти не обратив никакого внимания на меня, он только спросил:

— Водку будете?

— Нет, — ответил Лопата.

— Тогда чай или окрошку? Посидите тут за столиком, перекурите — я мигом, — после этого он протянул мне руку и представился: — Николай!

— Коль, ты подожди с чаем, сначала о деле — «шишига» на ходу?

— Обижаете, Александр Платонович. Я сегодня уже ходил на ней, — Николай махнул в сторону старенького военного грузовика-вездехода ГАЗ-66. Машина внешне была в идеальной сохранности, будто только что с конвейера, бросались в глаза только номера, на которых вместо циферок стояли буквы «ДРУГ ЗВЕРЯ», и свежая незасохшая грязь на колёсах. — Давайте, Александр Платонович, всё же сначала чайку или молочка, а там я уж вам доложу всё по форме?

— Ну давай, — согласился Сашка, — только действительно не чаю, а холодненького молочка.

Мы направились к большущему несурзному бревенчатому строению с какими-то башенками, колоннами, резными наличниками. Это и был, по-видимому, пресловутый охотничий домик, и, судя по всему, разместиться в нём на ночь могла пара десятков гостей. Строение находилось в опасной близости к краю обрыва. Зато отсюда, сидя на лавочке за свежеструганным столом, на котором уже стояли деревянные миски с малиной и черникой, хорошо было любоваться заливыми лугами и озёрами, на которые мы стремились попасть.

Девчушка лет десяти-двенадцати с выгоревшими до белизны волосёнками, заплетёнными в жиденькие косички, глядя себе под ноги и старательно сжимая двумя руками глиняную кринку, тащила нам молоко. Потом откуда-то притархтел на скутере паренёк лет пятнадца-

ти, эдакий суровый крепкий боровичок, и деловито начал стаскивать с багажника нашего «лендкрузера» короб с бреднем. Как я понял, это были дети Николая.

Александр, выпив две кружки молока и съев две ложки черники, устало закрыл глаза, и мне показалось, что он задремал, откинувшись на спинку скамейки. Большой овод сел ему на волосы, но почему-то не кусал и не улетал никуда. Сквозь зелёный августовский вязкий шум глухо доносились голоса:

— Батя, а мотня-то ничего, метров семь будет...

— Батя, я половинку кирпича туда засуну? Я его в полотенце старое завернул и верёвкой завязал...

— Батя, а к валькам верёвки надо бы привязать тяговые, а у нас нет!..

Тут Лопата открыл глаза — он не спал и всё слышал.

— Володя, открой багажник и достань бухточку капроновую, толстая там есть, в палец толщиной, основная называется, и отрежь от неё пару хвостов по десять метров. Вот тебе и тяги. Только отрежешь — заплавь концы на огне.

Мы с Сашкой Лопатой поехали в луга на своем «лендкрузере», а Николай с Володей на «шишиге» должны были ещё заехать в деревню за рабочей силой. Я понимал, что таскать бредень будем как бы не мы, а мужики, но всё же решил подстраховаться и спросил:

— Саша, я чего-то не готов лазать по осоке, и оделся я совсем не по-пляжному.

— Да не очкуй ты — не полезем мы в осоку. Ну, только если очень захочется. Есть тут кому ползать в охотку. Нам с тобой по пятьдесят лет, мы с тобой в том возрасте, когда положено командовать. До сорока и после шестидесяти это выглядит не всегда красиво. Это очень короткий период, когда уже можно командовать и ещё позволяют командовать.

Первое озеро, которое наметил нам Николай и до которого мы пылили минут двадцать, представляло вытянутую тарелку, вроде селёдочницы, метров сто длиной и почти без кустов, только посередине заросли тальника подступали с обеих сторон почти к воде, зато носки были чистые. Шириной оно было в этом месте метров двадцать, и вдоль всего берега между острыми стрелами осоки плавали в воде крупные болотные белые лилии.

«Шишига» подъехала почти вслед за нами. Мужики выпрыгивали из кузова, чуть смущаясь, не совсем уверенно, что приехали за делом, а их подруги, босые и в разноцветных сарафанах, — с визгом и смехом. Мужики как по команде закурили, а бабёнки очень уверенно бросились к Сашиной машине, открыли багажник — и через минуту уже был сервирован походный столик с бутылками, стаканами и закусками.

Мы с Сашей подошли к компании и поздоровались. Саша разлил водку по пластмассовым стаканчикам и чокнулся с каждым мужиком, а я отошёл в сторонку и уселся на надувное охотничье кресло, каковое тоже у Лопаты нашлось. Бабёнки тоже уселись на луговине невдалеке от меня и, пощечетав меж собой, вдруг запели. Это всё выглядело бы такой идиллией, прямо пырьевщина какая-то самая дешёвая, если бы не удивительные голоса этих совсем не пятнадцатилетних девчушек. Тысячи народных песен гуляют по нашим сёлам, все они переписаны, но ценность и неповторимость их именно в исполнении.

Команду Сашину прибывшие не все выполнили и одеты были разнокалиберно, но это только украшало их компанию, делая её ещё колоритнее. Кто-то и действительно был в белых подштанниках, но кто-то уже оказался и в трусах, а кто и в тренировочных. То же и с обувкой: кто в галошах, кто в драных кроссовках. Но двое, длинный, костлявый и лысый с жиденькой бородкой, и другой, смешливый толстяк, оба лет по сорок, были одеты по форме — во всем белом и в лаптях. Я сразу как-то их заприметил и расслышал, что местные меж собой зовут их Жердьяй и Круглый.

Бредень раскатали по траве, к валькам были привязаны верёвочные тяги, крылья развели и мотню вытянули, но все ждали отмашку к началу. Саша подошёл к мужикам:

— Так, вы двое, — он указал на Круглого и Жердья, — берёте валёк с верёвкой и плывёте на тот берег. Ты, Жердьяй, идёшь по траве и топишь валёк, а Круглый тащит по берегу за тягу. Мотню Володя заведёт в плавь, — и Лопата кивнул Колиному сынишке. — А вы, девчонки, плывите тоже на тот берег, будете ботать: идти перед Жердьяем и стучать ладонями или дощечками какими-нибудь по траве, рыбу выгонять. Посмотрим, если вдвоём они не протянут сеть, ещё кто-то пе-

реплывёт к ним на подмогу, — по траве сложно тридцатиметровую волокушу протянуть.

Всё получилось отлично, как и рассчитал Саша. В носке озера, напрочь заросшем травой и куда вытаскивали сеть, собралась вся компания: по двое тащили каждый валёк, проваливаясь то по пояс, а то и по горло, по двое за каждую верёвку тянули что было сил. Сеть была забита травой и надувалась парусом. Был уже виден и улов: билось, трепыхалось что-то в этом мешке. Только мне уж больно не хотелось пока вязнуть в сизом озёрном иле. Вот уже и крылья бредня выползли на берег, и тут я увидел, как приличная щука килограмма на полтора, прямо извиваясь змеей, выползла на берег и норовит прошмыгнуть мимо валька назад в воду. Я бросился к ней и успел, упав в траву, схватить её обеими руками, пока она не ушла.

— Есть, не ушла! — заорал я. — А вы куда смотрите? Надо шкаторинки-то бредня прижимать к земле, а то вся уйдёт.

Улов был неожиданно приличный: четыре щучки, две из которых побольше килограмма, десяток царских линей, десяток карасей, а окуней мы уже и не считали. С одного заброда — полная корзина. Вторая попытка с середины озера в другой конец была так же удачна. Во мне, с утра ещё полностью индифферентном и безразличном ко всему этому мероприятию, вдруг разыгрался азарт. Мне хотелось снова и снова лезть в эту воду с сеткой и ловить этих толстых красивых рыбин.

Лопата с удивлением смотрел на меня:

— Ты смотри — так и рыбаком станешь! Значит, надо и второй вариант испытать. Едем на реку, на пески.

Окские пляжи знамениты на всю Европу, тянутся километрами и красоты невероятной. Мужики по отмелям таскали бредень: где по колено, где по шейку, где в плавь, пока удача не улыбнулась нам: был пойман сомёнок на пять кило! У меня перед глазами стоит эта чудесная картинка, переходящая в кошмарную: молоденький паренёк в семейных трусах, белой рубаше, с водорослью, свисающей с волос на плечо, тащит к нам сомёнка, волоча его хвостом по песку. И вдруг он оступается, ойкает и садится почти перед нами, задрав ногу и обхватив её двумя руками. Из пятки на нас смотрит доньшко стеклян-

ной пивной бутылки. Обколотое розочкой, оно плотно впилося в ногу мальчишке, и хлещет на песок кровь из пацана, как из дырявого ведра. У меня даже закружилась голова. А Лопата хоть бы что, только показалось мне, уж больно как-то затянута всё у него, как в замедленном кино:

— Коля! — крикнул он, одновременно нажимая кнопки на своём резиновом водонепроницаемом и пуленепробиваемом мобильнике. — Быстренько ко мне! Перетяни парню ногу ремнём и держи её сверху. Глава администрации у вас по-прежнему Сергей Евграфович? Хорошо. Я уже говорю. Серёга, привет, это Сашка. Какой Сашка! Платоныч, Платоныч! Неприятность тут у меня случилась, но в твоём районе — отвечать будешь. Да нет! Паренёк ногу повредил, быстро вышли сюда скорую помощь ко мне на базу. Вышли свою машину, докторов вызови — должен буду. Я тебе дам — нет больницы, нет врачей, нет оборудования! Твоя больница теперь моей подшефной будет, значит, всё у тебя будет, а сейчас давай пацана ремонтировать. Лады, до встречи, заезжай. Коля, ты чего ждёшь, засовывай пацана в мою машину — и на базу. Да, мы тоже едем, я сам за руль сяду.

Жара всё же постепенно спадает, и оводы перестают жужжать, и на солнышко можно уже смотреть без рези в глазах, только воздух по-прежнему тяжёлый и горячий, хочется прожевать его и выплюнуть, и кузнечики продолжают настойчиво стрекотать. И уши не хочется. Мы сидим на той же самой скамеечке, что и утром у Лопаты на базе.

— Александр Платонович, как насчёт ухи-то?

— Не хочется чего-то, Коль. Давай лучше крошки — ты утром грозился. А рыбу всю отдай мужикам в деревню.

— Окрошка есть. А водки?

— Водки давай.

— Александр Платонович, а как там в больнице-то?

— Нормально всё, Коль. Завтра пацан дома будет. Вот такой подарок ты мне, старик, подарил, — это Лопата уже ко мне.

— Какой подарок? Бредень как бредень.

— Да нет, подшефную районную больницу ты мне подарил. Была самая задрипанная ЦРБ в области, а теперь я её должен сделать показательной.

рассказ

Бабушка ломала хрящеватые уши капусты своими большими руками. Руки её были перевязаны узлами сухожилий и вздутых вен, а скрюченные фаланги пальцев походили больше всего на корни старых мудрых деревьев, которых мало уже остаётся в наших

лесах. Ногти на руках у бабушки под стать: крупные, толстые, твёрдые; когда она стучала Пашку пальцем по лбу за какую-нибудь провинность, это было чувствительно. Большими молочными листьями капусты выкладывалось дно кадушки, очищенные кочаны лежали на освобождённом столе, и рядом стояли два долблёных липовых корытца с приготовленными коваными сечками. Пашкиным призом на этом празднике должны были стать сладкие крепкие кочерыжки.

Ждали Кольку, сына бабушки Тони, он должен рубить капусту, а бабушка Тоня будет её кулаком утрамбовывать в кадушку, добавлять соль, хрен, клюкву. А может и половинки кочанов уложить — это пластовая будет, а под конец и антоновки в глубь кадушки насыт, уже припасено, помытая, обтёртая: мочёная антоновка зимой тоже греет. Колька — мужик рукастый, умеет всё, и зовут его в деревне за его прижимистость ещё «сколька»! Да-да, не Колька, а Сколька.

Пашкина деревня зовётся Сливы, но сливы в ней не растут — есть вишня, рябина, репа, морковь, но слив нет! Может, такое название — это оттого, что деревня стоит между двумя оврагами, по которым два ручья сливаются в реку. Под горой они соединяются, и мужики каждую весну мостик там мастерят. И так же в соседней деревне Наливы: Пашка с пацанами облазил все сады и огороды, а налива нет, в смысле — яблок наливных, одна антоновка да анис. Но ведь и не наливается в эту деревню никакой ручей. Так почему же такое название?

Вообще-то, бабушка Тоня Пашке не бабушка: у него есть две своих настоящих родных бабушки, они обе живут в городе, а баба Тоня какая-то троюродная тётка его маме. Мама часто болеет, и баба Тоня, которую Пашка тоже зовёт бабушкой, выручает маму и забирает Пашку к себе то на неделю, а то и на месяц.

Как в этот раз получится — непонятно. Мама даже на Пашкин день рождения не приехала, а ему ведь семь лет исполнилось. Подарили ему на день рождения шуку большую на три килограмма, и бабушка наделала из неё вкуснейших рыбных котлет, а за столом сидели только Колька, бабушка да Паш-

ка. Колька с бабушкой выпили по две рюмки крыжовенной настойки за здоровье Пашкино и мамино, а Пашка выпил пять стаканов клюквенного морса за здоровье всех-всех-всех.

Папка Пашкин с мамой не живёт, хотя и приезжает повидаться с Пашкой раз в полгода. Папка — военный, и мама говорит, что он постоянно где-то воюет, хотя Пашка знает, что папка закончил свою последнюю войну в звании полковника и воевать больше не хочет. А также он знает, что у папки есть ещё одна семья где-то в другом городе.

Бабушка живёт в крепкой избе-пятистенке с двумя печками: русской и голландкой, а Колька, сын её, в щитковом доме для специалистов, в двухкомнатной квартире. У бабушки хороший погреб, большой, сухой, а у Кольки только сарайка, где лыжи стоят. Вот и ходит Колька через день к бабушке в погреб за продуктами: то за картохой, то за капустой, то за огурцами.

Осенние сумерки в деревне ранние, а можно сказать, что весь день сумерки. Сегодня бабушка русскую печку не топила, только подтопок, но все равно Пашка залез на печку, сидит там с котом Чернышом, гладит того, только что не мурлычет вместе с ним. Колька приходит с шумом, хлопает дверьми, стучит ногами, кашляет, сморкается, скидывает у дверей свои грязные резиновые сапоги, ватник, кепку и проходит сразу на кухню. Присев на корточки у печки, он открывает дверку, размяв сигарету, закуривает и, выпустив первую струю дыма прямо в горящие поленья, говорит:

— Не нравится мне эта погода — будто на ураган натягивает.

— При чём тут ураган? Зиме пора бы уж наступить, — говорит бабушка.

И тут с улицы донесся какой-то гул, завыл ветер с присвистом в трубе, хлопнула в сарае дверь, застучало железо по крыше, и секущий, морозящий который день мелкий дождик на глазах прекратился, и замело, замело, завьюжило крупными хлопьями снега. Пашка скатился с печки и прилип к оконному стеклу, плюща нос, но там только белая стена стояла.

Вдруг с крыльца раздались собачий вой и отрывистый лай.

— Это мой Табун, — сказала бабушка. — Колька, посмотри, чего это он дурью мается. Он бы сидел да сидел бы у себя в конуре тёплой. Я ему там всё сухо сделала.

Колька вышел в сени, открыл дверь и выпустил пса. Тот улёгся у самой входной двери в избу, виновато исподлобья поглядывая то на бабушку, то на Кольку, то на Пашку. Табун был крупным лохматым кобелём самых дворянских пород, и внешне, и характером своим был он очень миролюбив.

— Что же ты, зараза, припёрся? Чего тебе в будке не сидится? — так же очень миролюбиво спросила у него бабушка. И тут только она увидела пристёгнутый к ошейнику пса метровый обрывок цепи. — А как ты цепь-то оборвать сумел? Колька, глянь, как он цепь-то чуть ли не якорную разорвал? Наверное, кто-то помог! Напуганный он какой-то. Выдь во двор, глянь, что там случилось.

— Я с тобой, — крикнул Пашка, сунул ноги в сапоги, накинул куртку и напялил криво, почти на глаза, свою вязаную шапочку.

Снежный заряд. Какие-то минуты, и всё вокруг покрылось белым покрывалом в несколько сантиметров: и крыши домов, и деревья, и ещё не отцветшие георгины, и куча неубранной ботвы вдоль гряд. Колька прошёл через двор в огород и напрямик направился к собачьей будке. А там и встал как вкопанный. Пашка, бежавший за ним, тоже в момент разглядел, что около будки отряхнется от снега что-то крупное, живое и непохожее ни на что на свете.

Это что-то было побольше собаки, но чуть меньше собачьей будки, а Табун — крупный кобель, и Пашке показалось, что это что-то было похоже на страуса, если тому обрубить ноги и голову вместе с шеей. Такой большой, чуть ли не метровый шар, покрытый крупными чёрными и синими перьями. Пашка с Колькой встали поодаль, не рискуя подходить, и это что-то тоже замерло, а из кучи наружу высунулась голова. Может, это была и не голова, а что-то другое, похожее на голову, но глаза были, и смахивали они то ли на совиные, то ли на кошачьи: круп-

ные, круглые, красивые. Клюв был большой, острый, загнутый бокорезами, как у клеста, и стало понятно, кто перекусил цепь. Но на глазах у хозяев это что-то втянуло свой страшный клюв, как кошка коготки, и на его месте образовался симпатичный кожаный пяточок с двумя дырками, как у хорошей собаки.

— Это что? — спросил Пашка у Кольки, дёрнув того за рукав.

— Первый раз вижу. Хрен его знает! Диво какое-то!

— Я про диво только в сказках читал, я думал, что его не бывает!

— Я сказок не читал, но тоже думал, что его не бывает. А вот, оказывается, и бывает.

— Кольк, так это Диво?

— Пускай будет Диво. Давай-ка пойдём домой. Что-то мне и капусту-то рубить расхотелось. Может, завтра нарубим. Может, и Диво твоё куда-нибудь улетит. Не нравится оно мне!

Тут куча перьев, которая теперь стала Дивом, встала, отряхнулась от снега, как куры отряхиваются от пыли, и, кряхтя, снова села кучей рядом с Табуновой будкой. Пашка заметил, что лапы его похожи на куриные, только в десять раз больше, и когти острые, и залезают они в подушечки, как у кошки. «О-хо-хо!» — прокряхтело Диво.

— Совсем как дед Михей кряхтит, — сказал Колька.

— Что-что? — переспросил Пашка.

— Знаешь деда Михея, который у сельмага сидит на завалинке по утрам?

— Знаю.

— Так вот он так же кряхтит, когда ему наливают. Пойдём к бабке нашей. Может, она чего нам расскажет.

Колька не рискнул подходить к собачьей будке, а снял кепку, почесал плешину и, подтолкнув Пашку к калитке, пошёл за ним в избу. Бабушка к Колькиному и Пашкиному рассказу отнеслась равнодушно: не скептически, а равнодушно, будто так оно и должно быть, будто она это Диво каждый день видит.

— Диво это, — сказала она уверенно, — ну, попало в грозу, пообломало его, переночует,

отдохнет и полетит завтра дальше по своим делам. Диво это, знаю я, люди старые рассказывали. Давай капусту рубить, а уж потом я горох замочу, чтобы его с утра покормить.

— Бабушка, а ты пойдёшь посмотреть на Диво?

— Ещё чего не хватало — невидаль какая! И вообще, кто на Диво любит — потом неприятностей жди!

Наутро Пашка вскочил ни свет ни заря, но бабушка была уже на ногах и растапливала печку. Пашка наспех сполоснул лицо холодной водой из рукомойника в сенях, налил себе стакан молока из кринки, заел его бабушкиным хрустящим поджаристым творожником и стал собираться во двор: шерстяные носки, резиновые сапоги, куртка, шапка.

На дворе светило солнце и легкий ветерок ласкал. Снега не было и в помине. На вишнях набились бутоны и кое-где собрались уже распускаться. У забора вылезли из трухи маленькие синенькие невзрачные и неожиданные подснежники. Диво деловито занималось огородными делами: грядки были приведены в полную посевную готовность, когтистые лапы нежданного гостя были к этому хорошо приспособлены, мусор и гнилые сучья были собраны в кучу, и вился над ней дымок небольшого костерка, даже дорожку к бане оно старательно выметало своими жёсткими крыльями, из которых вылетали поломанные грязные старые перья. Пашка заметил, что на спине у Дива вылезшие или вылинявшие перышки уже заместились новыми, тёмно-синими со стальным переливом, да и взамен главных маховых тут же отрастают новые, большие, с зеленоватым отливом. Ещё Пашка заметил, что Диво старательно подбирает свои старые перья и складывает их кучкой; тут Пашке повезло, и он сумел одно большое перо, упавшее за яблоней, незаметно взять и сунуть за пазуху в подарок маме. Оно было жестким и тяжелым — тяжелее, чем его большой перочинный нож, с которым он ходил в лес.

Заметив Пашку, Диво не торопясь проковыляло к нему и уселось рядом, как курица, глядя на него и моргая большими и умными глазами. Тут-то Пашка впервые как следует

разглядел и его кошачьи лапы с мягкими подушечками и спрятанными когтями, и симпатичную морду. А Диво опять по-стариковски пробормотало: «Э-хо-хоюшки-хо-хо!» Паша хотел его погладить, но побоялся. Он просто взял Дивову миску, в которой оставались два куса варёной картошки и несколько горошин, и пошёл в дом.

Папка приехал к обеду, приехал на зелёном военном уазике, но сам не в форме, а в гражданском. Он прошёл, не разуваясь, в горницу и уселся за столом молча.

— Как она? — спросила бабушка, что-то делая на кухне.

— Плохо всё, — ответил папа.

— Заберёшь себе Пашку-то?

— Да, заберу! Прямо сейчас.

— Ну, не сразу же — я вас покормлю ещё.

— Давай.

Бабушка поставила картошку вариться, слазила в подпол за мочёной брусникой, накрошила солёных рыжиков с луком. Пашка понимал, о ком и о чём речь. Тем не менее он схватил папку за руку и быстро-быстро заговорил:

— Пойдём в огород, я тебе что покажу! Диво к нам прилетело.

— Диво? Это действительно здорово! Ни разу не видел Диво!

— Не смейся, сейчас сам всё увидишь. Его ещё никто не видел. Ну, может, кто-то другой, а вот здесь точно никто. Даже бабушка про него только слышала.

В огороде не по-осеннему зеленела трава, распустились тюльпаны и нарциссы, цвели вишни. Диво стояло на здоровенных, совсем не птичьих ногах и, расправив мощные крылья, делало разминочные махи. Все его перья, уложенные один к одному, казались и по цвету, и по фактуре стальной, дамасской стали, бронёй. Правда, в отблесках виднелись редкие красные и фиолетовые блики. Папка равнодушно смотрел на Диво, будто видел его в своей жизни много-много раз. А Диво взмахнуло крыльями, со свистом сделав разворот над огородом, взмыло в небо и пропало.

Заморосил мелкий осенний дождь, такой, которому, кажется, не будет конца.

* * *

С Павлом Ивановичем Костиным я работал в одном отделе уже пять лет. В этом году купил я новую машину и с покупкой решил угостить весь отдел, вроде как обмыты или проставиться. Все выпивали, я — нет, потому что был за рулём, а после предложил подвезти Павла Ивановича до дома. По дороге-то он мне и рассказал свою детскую историю про Диво. Под конец без всякой надежды он предложил мне съездить в ту деревню, где жил подолгу в детстве и которая намертво была связана в его голове с детством, потому что в тот день, когда папка его забрал из деревни, у него умерла мама. Но об этом он узнал, когда уже вернулся с отцом в город. Он и вырос в этой новой семье своего родного отца.

Непонятно почему, я согласился. И мы поехали в выходные на край области, в район, совершенно мне не знакомый, где и деревни с таким названием не нашли, да и не было, видимо, её тут никогда, хотя мы заезжали в другие, и молоко покупали у старух, и спрашивали их, и искали ручьи, которые были «сливы». Павел Иванович очень расстраивался — я видел.

Обратно ехали молча, пока он вдруг не признался мне:

— А знаешь, три года назад я уже ездил искать эту свою деревню и тоже не нашёл. Надеялся, что во второй раз повезёт. Надо через пару лет ещё разок съездить. Ты мне не веришь, а вот смотри...

Павел Иванович вытащил из внутреннего кармана большое черное птичье перо.

— Это что? — спросил я.

— Это его перо, перо Дива, которое я тогда припрятал.

— Да ладно тебе — это обычное гусиное или воронье перо.

— Нет, ты ничего не понимаешь. Это перо Дива.

□

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

*Окончил политехнический институт
по специальности «радиоинженер».*

*Впервые стихи были опубликованы
в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году.*

*Первая книга, повесть о войне, «Письма отца»
вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году.*

С тех пор издано одиннадцать книг стихов и прозы.

*Печатался в журналах «Нева», «Всерусский собор»,
«Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица».*

Лауреат конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» в г. Вологде.

С 2002 года член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

